



МОРАЛЬНЫЙ ЭЛЕМЕНТЪ

ВЪ ОБЛАСТИ ВОЕННАГО ИСКУССТВА.

(Опытъ психологическаго изслѣдованія).

«Ахиллъ происходилъ отъ богини и смертнаго: вотъ подобіе военнаго гения! Къ божественному принадлежать всѣ нравственныя соображенія; все относящееся къ характеру, дарованіямъ, намѣреніямъ нашего противника и духу войска, которое или *сильно и побѣдоносно, или слабо и разбито, смотря по тому, какъ оно себя чувствуетъ*».

Наполеонъ I.

I.

Неоднократныя попытки къ установленію прочныхъ основъ познанія духовной стороны военнаго дѣла, къ сожалѣнію, не увѣнчались еще рѣшительнымъ успѣхомъ. Правда, въ послѣднее время и наша и иностранная военная литература обогатилась уже весьма многими изслѣдованіями по этому вопросу, но новаго, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, не дала, ограничившись по прежнему, по большей части, стереотипными фразами о храбрости, патриотизмѣ, долгѣ и пр., хотя и подкрѣпленными многочисленными примѣрами, но все же, мало объясняющими—откуда, какъ и какимъ образомъ все это произошло, т. е. какія именно тайныя пружины повліяли на ихъ проявленія; между тѣмъ, это только одно и имѣло еще существенное значеніе для дѣла. Сверхъ того, отождествляя, по большей части, моральный элементъ съ качествами человѣка и съ проявленіемъ его дѣятельности подъ вліяніемъ различныхъ предшествующихъ условій его воспитанія, жизни и т. п.,—предполагая *воспитаніемъ его*

создать рецепт для победы,—эти изслѣдователи впадали не только въ явное противорѣчіе съ дѣйствительностью, но и вводили еще насъ въ весьма опасныя иллюзіи, не разъ приводившія войска къ катастрофамъ. Примѣрами могутъ служить: Аустерлицъ и начало войны нашей съ Японіей. Въ томъ и другомъ случаѣ, убѣжденіе въ нашемъ превосходствѣ, основанное на весьма неясныхъ данныхъ, при столкновеніи съ дѣйствительностью, привело насъ къ катастрофамъ и напраснымъ потерямъ. Въ Японскую войну, несмотря на цѣлый рядъ фактовъ, благодаря подкрѣпленіямъ, это убѣжденіе особенно долго держалось, пока не довело, наконецъ, насъ до Мукдена и Цусимы; въ продолженіе же самой войны не только равенство, но и превосходство въ силахъ, не обезпечивало за нами успѣха. Но не въ одной лишь военной литературѣ встрѣчаемся мы съ подобнымъ взглядомъ на дѣло; обыкновенно и въ военномъ обществѣ, исходя изъ различнаго рода повѣствованій, принято исключительную способность возбужденія моральнаго элемента приписывать лишь нѣкоторымъ избраннымъ людямъ при посредствѣ примѣра, слова и пр., вовсе притомъ не считаясь съ данными болѣе серьезнаго значенія и современной картиной сраженій. Указываютъ также, напримѣръ, что менѣе культурные народы обладаютъ будто бы и большимъ развитіемъ духовной стороны и что, слѣдуя по материкамъ Европы и Азіи отъ запада къ востоку, мы будемъ встрѣчаться все съ болѣе и болѣе грознымъ въ духовномъ отношеніи противникомъ. Однако, все это далеко отъ дѣйствительности. Какъ часто въ военной жизни встрѣчаемся мы съ высокимъ проявленіемъ моральнаго элемента тамъ, гдѣ, казалось бы, не было и причинъ его зарожденія и, напротивъ того, неоднократно видимъ слабое проявленіе его тамъ, гдѣ и храбрость, и патріотизмъ и все прочее находилось въ изобиліи. Мы видимъ, напримѣръ, что дикари бѣгутъ отъ нѣсколькихъ (такъ называемыхъ «изнѣженныхъ») европейцевъ; китайцы во время боксерскаго возстанія, несмотря на питаемую ненависть къ иноземцамъ, на презрѣніе къ смерти, не выдерживаютъ натиска даже небольшихъ европейскихъ отрядовъ; Суданскіе дервиши, несмотря на фанатическую храбрость, любовь къ независимости и патріотизмъ, терпятъ страшное пораженіе подъ Омдурманомъ отъ тѣхъ, которые незадолго еще передъ тѣмъ, даже и въ превосходномъ числѣ, сдавались тысячами простымъ фермерамъ-бурамъ; наконецъ, на Кавказѣ мы видимъ отчаянно храбрыхъ, почти непобѣдимыхъ въ го-

рахъ, борющихся за свои родные очаги чеченцевъ, уступающихъ однако всюду въ открытомъ полѣ (въ продолженіе войны за обладаніе Кавказомъ) даже и небольшимъ отрядамъ русскихъ, побѣждаемыхъ въ эпоху Крымской войны, въ свою очередь, союзниками.

Между тѣмъ, руководствуясь узко понимаемыми словами Наполеона I, что $\frac{3}{4}$ успѣха въ бою зависитъ отъ моральнаго элемента и только $\frac{1}{4}$ отъ матеріальныхъ условій, казалось бы, что побѣда должна была бы принадлежать именно этимъ дервишамъ и горцамъ, а не ихъ болѣе слабымъ въ «моральномъ отношеніи» противникамъ, борющимся за мало понятные имъ интересы, такъ какъ на сторонѣ первыхъ было $\frac{3}{4}$, а вторыхъ—лишь $\frac{1}{4}$ шансовъ успѣха.

Руководствуясь тѣми же словами великаго полководца, слѣдовало бы признать (какъ это и дѣлается въ дѣйствительности), что вопросу объ *искусственномъ* развитіи въ мирное время духовной мощи въ войскахъ слѣдуетъ отвести значительно большее вниманіе, чѣмъ подготовкѣ ихъ въ матеріальномъ отношеніи, такъ какъ, естественно, лучше обезпечить себя тремя четвертями, нежели одной четвертью шансовъ.

Но можно ли духъ воспитывать по своему усмотрѣнію? Не будетъ ли это самообманомъ и гдѣ границы такому воспитанію? И дѣйствительно, если бы мы и сумѣли даже выработать суроваго закаленного воина въ нашей обыденной практикѣ мирнаго времени (что одно уже не вяжется съ задачей), то развѣ, въ случаѣ неудачи, не стали бы, все таки, приписывать нашъ неуспѣхъ лучшей «моральной» подготовкѣ противника и т. д. до безконечности?..

Съ другой же стороны, если лучшимъ воспитаніемъ мы достигли бы того, что создали солдатъ желѣзныхъ по стойкости, то развѣ, безъ побочныхъ средствъ, мы смогли бы довести ихъ до того духа, который дѣлаетъ ихъ страшными въ бою, который расплавляетъ желѣзо и отъ котораго *единственно* и зависитъ $\frac{3}{4}$ успѣха въ бою, по словамъ Наполеона.

Остановимся теперь на военно-историческихъ примѣрахъ, объясняющихъ всю неправильность современныхъ воззрѣній на сущность и происхожденіе моральнаго элемента, причемъ, чтобы не вдаваться въ излишнія подробности, остановимся лишь на нѣкоторыхъ войнахъ XIX столѣтія; читателю же не трудно будетъ затѣмъ самому все указанное нами примѣнить къ любому изъ остальныхъ военно-историческихъ событій для провѣрки правильности приводимыхъ здѣсь положеній.

Въ 1800 году Наполеонъ разбиваетъ «резервной арміей» *лучшiя* войска австрійцевъ подъ Маренго, только что передъ тѣмъ, получившихъ Суворовское крещеніе, завоевавшихъ Италію и подъ предводительствомъ Суворова бывшихъ непобѣдимыми. Многіе военные историки предполагаютъ, что, несмотря на свое названіе, «резервная армія» состояла будто изъ лучшихъ солдатъ. Это несправедливо. Это была безусловно *худшiя по качествамъ армія*; лучшие солдаты находились у Моро. Очевидно, что за непродолжительное время пребыванія въ ней перваго консула, качества этой арміи измѣниться не могли, что, между прочимъ, и доказывается Маренгской битвой; тѣмъ не менѣе, *хотя бы по причинѣ побѣды*, никто не станетъ отрицать, что эта армія превосходила противника моральными силами. Она вѣрила въ своего полководца, считала его непобѣдимымъ, т. е., другими словами, была увѣрена въ своихъ силахъ—въ искусство своего предводителя. Если въ началѣ сраженія духъ ея и былъ нѣсколько поколебленъ болѣе внушительными матеріальными средствами противника, то съ прибытіемъ на поле сраженія дивизіи Дезе, лично перваго консула (слѣдовательно, новыхъ матеріальныхъ данныхъ) и съ измѣненіемъ условій обстановки, онъ получилъ сперва устойчивость, а потомъ и всерѣшающее значеніе.

Въ 1805 году императоръ разбиваетъ на голову подъ Аустерлицемъ, въ присутствіи ея Монарха, русскую армію, по качеству своему превосходную (что доказывается и битвой, и потерями, и незадолго до этого происшедшимъ Шенграбенскимъ дѣломъ), заключавшую въ средѣ своей Суворовскихъ сподвижниковъ и чудо-богатырей. Выступая изъ подъ Ольмюцкаго лагеря, армія эта дерзко вѣрила въ будущіе успѣхи (по ложнымъ представленіямъ о себѣ и противникѣ), но, встрѣтаясь съ дѣйствительностью, понесла вслѣдствіе этого и большія пораженія ¹⁾.

Въ 1807 году Наполеонъ разбиваетъ ту же армію подъ Фридрихландомъ, почти тѣхъ же качествъ, какъ и прежняя, наполненную,

¹⁾ Замѣчательно, что пораженные исходомъ Аустерлицкаго сраженія борники качества моральнаго элемента, не будучи въ состояніи объяснить себѣ это пораженіе исключительно матеріальными данными, хотя бы широкаго масштаба, придумали цѣлую теорію объ измѣнившихся будто-бы качествахъ нашихъ войскъ, благодаря нововведеніямъ Императора Павла I, и объ улучшившихся будто бы качествахъ французовъ, забывая, что этими же самыми солдатами мы били ихъ, однако въ 1799 году. Нечего и говорить, насколько подобными выводами они сами же опровергаютъ себя въ отношеніи исключительнаго вліянія качества народа на побѣду и насколько теорія ихъ, вообще, представляется шаткой при столкновеніи съ дѣйствительностью.

сверхъ того, и жаждой мщенія за Аустерлицъ, какъ говорить нашъ военный историкъ Михайловскій-Данилевскій, и заключающую въ рядахъ своихъ и Суворовскихъ сподвижниковъ и чудо-богатырей. Но кампанія эта начинается уже отличаться рѣдкимъ упорствомъ сравнительно съ прежними. Противники, видимо, начинаютъ понимать Наполеона. Среди лѣсныхъ дебрей, озеръ и болотъ Восточно-Прусскаго театра войны, подставляя противнику сильную сторону своихъ войскъ (ихъ стойкость и упорство при оборонѣ), русскіе ставятъ рядъ серьезныхъ препятствій всеокрушающему удару французовъ, поднимая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и своихъ духовныя силы. Несмотря на все умѣнье Наполеона управлять нравственнымъ элементомъ своей арміи и на всю случайность такого управления со стороны Беннигсена, русскіе уже даютъ высокое самостоятельное проявленіе моральнаго элемента на сѣвѣжныхъ поляхъ Эйлау и среди укрѣпленій Гейльсберга.

Въ 1812 году качества нашихъ войскъ, ихъ самоотверженіе, преданность долгу, ожесточеніе противъ врага, вторгнувшагося въ предѣлы родного края, были неоспоримы; особенности же страши, лишения, болѣзни, оказали громадное вліяніе на моральныя силы врага; тѣмъ не менѣе, численное превосходство силъ Наполеона въ первую половину кампаніи, его искусство, боевая опытность его войскъ и прежнія побѣды надъ русскими даютъ, въ цѣломъ, перевѣсъ французамъ почти до конца войны. Конечно, и на нашей сторонѣ, подобно тому какъ и подъ Эйлау, проявлялась временами, въ истинномъ своемъ значеніи, моральная сила, развивавшаяся, однако, большею частью, совершенно самостоятельно, какъ, на примѣръ, при оборонѣ Семеновскихъ флешей и Центральной батареи и въ дѣйствіяхъ противъ отдѣльныхъ маршаловъ Наполеона, но по качеству своему, какъ меньшая французской, остававшаяся безъ рѣшающаго вліянія на исходъ главнѣйшихъ сраженій. Даже чрезвычайныя мѣры, предпріятыя нами къ поднятію силы сопротивленія войскъ и опасность, грозившая отечеству, не помогли влить въ сердца ихъ *духи побѣды*, увеличивъ лишь упорство войскъ до крайняго предѣла.

Въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ Наполеону пришлось встрѣтиться съ непоколебимою, историческою стойкостью нашихъ войскъ при оборонѣ, съ особою наглядностью проявилось, что *каковы матеріальныя условія, таковы и вытекающія изъ нихъ духовныя послѣдствія*. Вспомнимъ приказы Наполеона передъ началомъ войны и мы поймемъ, что разумѣлъ этотъ великій полководецъ подъ

моральнымъ элементомъ.— «Солдаты! Вторая Польская война началась... — она будетъ столь же славна для Франціи, какъ и первая...» Развѣ не чувствуется въ этихъ словахъ непоколебимой увѣренности въ силахъ? На чемъ же основываетъ полководецъ эту увѣренность въ побѣдѣ, ибо, безъ основаній, она обратилась бы въ простое хвастовство? Отвѣтъ на этотъ вопросъ встрѣчаемъ мы въ томъ же приказѣ: «Первая окончилась подъ Фридландомъ и Тильзитомъ...» и далѣе, — «Развѣ мы не воины Аустерлица, не думаетъ ли она, что мы измѣнились?» Мы видимъ, что онъ основываетъ ее на такихъ данныхъ, какъ непосредственное знакомство съ противникомъ, подъ Аустерлицемъ и Фридландомъ, на чувствѣ непобѣдимости ихъ во главѣ съ императоромъ. Увѣренность французовъ въ своемъ полководцѣ, собственная увѣренность ихъ въ своемъ превосходствѣ, лучшія распоряженія, все, въ цѣломъ, создало такую моральную силу, что, несмотря на всю трудность *исключительно лобовой атаки укрѣпленій, защищаемыхъ русскими войсками, одушевленными близостью Москвы, религіозно подготовленными и готовыми умереть, несмотря на ошибки и колебанія самого Наполеона*, уже къ 5-ти часамъ пополудни мы были отброшены почти за версту отъ занимаемыхъ прежде позицій съ существенной угрозой пути отступленія. Въ этомъ сраженіи мы не обнаружили того всесокрушающаго, страшнаго напряженія моральныхъ силъ (въ смыслѣ желанія побѣдить, но не отбить), какое замѣчалось у французовъ, но исключительно только *пассивное ихъ проявленіе, вслѣдствіе нѣкоторыхъ благоприятно создавшихся для насъ матеріальныхъ условий*, и какъ результатъ ихъ получилось уменьшеніе французскихъ успѣховъ. Въ этомъ сраженіи мы располагали *особенными качествами* войскъ, а съ этимъ, особенно, и приходилось считаться!

Въ 1813 году Наполеонъ съ болѣе малочисленной арміей, составленной къ тому же изъ конскриптовъ (призыва даже 1815 г.), разбиваетъ войска союзниковъ подъ Бауценомъ, Люценомъ, Дрезденомъ и отбиваетъ атаки ихъ подъ Лейпцигомъ, тогда какъ маршалы его, въ то же время, терпятъ пораженія подъ Кульмомъ, Кацбахомъ и Денневицемъ.

Въ войну 1854—55 годовъ, подъ Севастополемъ, плохое веденіе союзниками осады, свободный тылъ, укрѣпленія и стойкость русскихъ при оборонѣ, талантливое веденіе ея Тотлебенемъ, создали, въ общемъ, возможность защищать укрѣпленный городъ въ теченіе 11 мѣсяцевъ съ явнымъ притомъ преобладаніемъ духовныхъ

силъ на нашей сторонѣ. Но въ то же время, тѣ же войска въ открытомъ полѣ уступали французскимъ, при очевидномъ превосходствѣ моральныхъ силъ на сторонѣ этихъ послѣднихъ, что и подтверждается примѣрами такихъ сраженій, какъ Альма, Инкерманъ и Черная рѣчка. Будь на нашей сторонѣ преобладаніе трехъ четвертей во образѣ нравственнаго элемента, оно неминуемо должно было бы намъ доставить и побѣду, несмотря на разницу въ матеріальномъ положеніи. Тоже касается и союзниковъ; имѣй они *постоянное* преобладаніе въ моральныхъ силахъ, они взяли бы Севастополь въ нѣсколько недѣль. Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ вѣра, съ одной стороны, въ свое тактическое превосходство въ открытомъ полѣ, въ свое развитіе, вооруженіе, ловкость и инициативу, а съ другой—слабая тактическая подготовка войскъ, плохое вооруженіе, особенности и автоматизмъ обученія, создали, несмотря на качества противниковъ, моральную силу тому изъ нихъ, на сторонѣ котораго оказалось большинство преимуществъ.

Въ Русско-турецкую войну 1877—78 годовъ, руководимые ошибочнымъ пониманіемъ моральнаго элемента, какъ качества, *отрицая послѣдній у турокъ*, не считаясь съ необходимостью *использованія матеріальныхъ силъ*, понимаемыхъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова, отрицая даже послѣднія и предполагая простымъ ударомъ завершить кампанію въ нѣсколько мѣсяцевъ, мы уже черезъ три недѣли терпимъ серьезныя неудачи. Используя силу Плевненскихъ укрѣпленій, Османъ-паша, подобно намъ подѣ Севастополемъ, поднимаетъ духовныя силы своихъ войскъ, между тѣмъ, какъ наши, послѣ второй Плевненской неудачи, нисходятъ до Систовской паники. Во вторую половину той же кампаніи, когда факты голой дѣйствительности заставили насъ серьезно озаботиться увеличеніемъ своихъ матеріальныхъ силъ въ видѣ не только численнаго ихъ приращенія, но и въ видѣ новыхъ назначеній, улучшенія администраціи, отчасти вооруженія, и лучшихъ распоряженій до блокады Плевны включительно, — обстановка рѣзко перемѣняется; совершенно непредвидѣнно, у насъ возрастаютъ моральныя силы, которыя, дѣйствительно, доводятъ насъ въ нѣсколько недѣль до стѣнъ Константинополя.

Обращаясь къ двумъ иностраннымъ военнымъ экспедиціямъ конца истекшаго столѣтія, мы встрѣчаемся въ нихъ съ тѣмъ же пренебреженіемъ къ сущности моральнаго элемента, который замѣчался и у насъ, и, конечно, съ тѣмъ же результатомъ.

Въ Абиссинскую экспедицію итальянцевъ, излишняя самоувѣренность, пренебреженіе обстановкой, приводитъ ихъ къ Адуанскому пораженію. Знакомые съ краемъ, природные воины, къ тому же и болѣе многочисленные, абиссинцы неминуемо должны были одержать успѣхъ *на мѣстности, дозволяющей использовать имъ эти данныя въ ущербъ сильнымъ сторонамъ противника*. Такой искусственно созданной обстановкой и послужила знаменитая Адуанская западня. Моральный элементъ здѣсь, безъ сомнѣнія, находился на сторонѣ абиссинцевъ.

Въ послѣднюю Англо-бурскую войну, англичане не были подготовлены къ предстоящей борьбѣ; на буровъ смотрѣли они пренебрежительно: въ двѣ-три недѣли рассчитывали дойти до Преторіи. Буры же, напротивъ того, основательно подготовившись къ войнѣ, знали съ кѣмъ будутъ имѣть дѣло (хотя въ послѣдствіи нѣсколько и ошиблись въ этомъ). Они были *твердо увѣрены въ своихъ силахъ на основаніи тѣхъ матеріальныхъ данныхъ, которыми располагали и пользовались*. Увѣренность ихъ исходила не изъ *гадательныхъ*, а изъ положительныхъ данныхъ, а именно: умственного своего развитія, общей солидарности, тактическаго превосходства въ малой войнѣ, знакомства съ краемъ, опыта прежнихъ своихъ войнъ съ англичанами и многихъ другихъ данныхъ. II можно утвердительно сказать, что не столько патріотизмъ, любовь къ независимости и пр. дали имъ возможность вести съ успѣхомъ войну въ продолженіе 2½ лѣтъ противъ могущественнаго государства, какъ именно эта увѣренность въ своихъ силахъ.

II.

Изъ краткаго обзора вышеприведенныхъ примѣровъ не трудно уже замѣтить, что *качество далеко еще не обусловливаетъ наличія моральнаго элемента*. Качество—это такая же матеріальная данная войны, какъ и численность, превосходство въ вооруженіи и пр., лишь нѣсколько большаго значенія, какъ качество фигуръ на шахматной доскѣ. Каждый народъ обладаетъ присущимъ ему одному качествомъ, выработаннымъ историческимъ путемъ, подъ влияніемъ тѣхъ или иныхъ географическихъ и физическихъ данныхъ, которое и можетъ быть, какъ матеріаль, использовано въ военное время. Нѣтъ народа, который обладалъ бы всѣми выгод-

ными качествами, необходимыми ему для войны: у каждаго—имѣются свои достоинства и свои недостатки. *Знаніе качествъ народа, а особенно своего* (не всегда постоянныхъ), *обязательно, какъ знаніе одной изъ важнѣйшихъ матеріальныхъ данныхъ войны.*

Обращаясь къ опредѣленію состава матеріальнаго элемента, мы должны, прежде всего, включить въ него все то, чѣмъ въ состояніи управлять непосредственно. Сюда относятся: численность, вооруженіе, военная система, характеръ мѣстности и т. п. фактическія данныя. Затѣмъ, въ тоже понятіе матеріальнаго элемента входитъ все то, чѣмъ непосредственно хотя управлять мы не можемъ, но что возможно все-таки измѣнить съ теченіемъ времени будь то передъ войной или даже во время послѣдней, какъ то и было съ Петромъ Великимъ послѣ Нарвскаго пораженія. Сюда могутъ быть отнесены: качество войскъ, ихъ обученіе и тактическая подготовка, умственное развитіе, воспитаніе, преданность долгу, а также, въ извѣстной мѣрѣ, и патриотизмъ.

Что касается моральнаго элемента, то послѣдній не можетъ быть измѣренъ или оцѣненъ какими-нибудь непреложными данными. Это, какъ бы, сила электричества прямо пропорціоная даннымъ, отъ которыхъ зависитъ ея напряженіе. Въ зависимости отъ матеріальныхъ данныхъ, данной воли противника и прочихъ условій обстановки, она измѣняется безконечно, возвышаясь до безумнаго увлеченія, съ одной стороны, и падая до паники—съ другой; сохраняясь на долгое время или погасая какъ вспышка, упорная или слабая до безконечности.

Психологія толпы—только одно изъ частныхъ проявленій моральнаго элемента, наиболѣе здѣсь слабого по существу, ограниченнаго пространствомъ и временемъ, хотя и подчиненнаго законамъ «вниманія».

Моральный элементъ есть данная, такъ или иначе, воодушевляющая войска отъ генерала до солдата, распространяющаяся мгновенно среди нихъ на *значительномъ протяженіи*, несмотря ни на какое ихъ положеніе—сосредоточенное или *разрѣженное*. основанная всецѣло, какъ и психологія массъ, на законахъ вниманія, а потому и находящаяся *въ прямой зависимости отъ всевозможныхъ данныхъ, ихъ вызвавшихъ*. Моральный элементъ объединяетъ войска какъ бы одною мыслью, однимъ желаніемъ, способствуетъ оказываемой ими другъ другу взаимной поддержкѣ. дѣйствуетъ, въ зависимости отъ впечатлѣнія, болѣе или менѣе про-

должительное время, опираясь каждый разъ на реальныя данныя обстановки, а отсюда, конечно, и на качества той или иной національности.

Однако, исторія указываетъ намъ на сравнительно рѣдкое проявленіе моральнаго элемента въ полномъ его объемѣ, что не удивительно, разъ онъ составляетъ производную всѣхъ отдѣльныхъ положительныхъ и отрицательныхъ сторонъ обстановки; чаще всего онъ бываетъ (въ зависимости отъ тѣхъ или иныхъ условій ея) въ видѣ той или другой разновидности, главными изъ которыхъ необходимо признать: активное и пассивное проявленіе его. Подъ активнымъ проявленіемъ моральнаго элемента мы разумѣемъ такую разновидность его, которая стремится—*однимъ общимъ увлеченіемъ, ударомъ, достигнуть намѣченной ею цѣли*, увѣренная въ своемъ активномъ превосходствѣ; подъ пассивнымъ же—такую, которая, *встрѣчая превосходство въ оборонѣ и въ промахахъ противника*, стремится лишь къ отсрочкѣ рѣшенія, или къ измору противника. Первая—ищетъ для своего проявленія «идеи», вторая—«чувства» и полной покорности судьбѣ. Первая—*повелеваетъ обстановкой*, вторая—*ищетъ опоры въ ней*. Могучее проявленіе обѣхъ этихъ разновидностей моральнаго элемента мы и наблюдали уже въ Бородинскомъ сраженіи, гдѣ имѣли и случай опѣнить ихъ относительное значеніе и силу.

Моральный элементъ тѣсно связанъ съ матеріальнымъ. Несмотря на свое абсолютно малое значеніе передъ моральнымъ, матеріальному элементу принадлежитъ громадное относительное значеніе въ успѣхѣ борьбы. *Безъ видныхъ матеріальныхъ данныхъ не будетъ и моральнаго превосходства, а съ нимъ и победы*.

Обращаясь къ военно-историческимъ даннымъ, мы всюду замѣчаемъ, что моральный элементъ всегда принадлежалъ тому изъ противниковъ, который въ данный моментъ былъ болѣе богатъ матеріальными данными, лучше пользовался обстановкой, выказывая, вмѣстѣ съ тѣмъ, и большее военное искусство. Причиной высокаго духа французскихъ войскъ подъ предводительствомъ Наполеона I былъ не только, прежде всего, этотъ послѣдній, но и цѣлесообразная тактическая подготовка его войскъ, боевая ихъ опытность, численное относительное превосходство на рѣшительномъ пунктѣ въ сраженіяхъ и, наконецъ, приравненное къ качествамъ француза веденіе самого боя, и воинская система. О послѣдней Наполеонъ отзывался, на примѣръ, въ такихъ выраженіяхъ: «превосходствомъ своимъ въ организаціи надъ всѣми войсками въ

свѣтъ, французская армія обязана конскрипціи. Какъ часто въ бою останавливались глаза мои на молодыхъ конскриптахъ, когда они въ первый разъ бросались въ рукопашную схватку: честь и мужество выступали изъ всѣхъ скважинъ тѣла ихъ!» (Las Cases. Mémoires de St. Hélène. P. 117).

Причиной высокаго развитія духа Суворовскихъ войскъ было, не личное умѣнье Суворова вести бесѣды съ солдатами, а *постоянныя побѣды его надъ противникомъ, слава непобѣдимости его, тактическое его искусство, цѣлесообразное воспитаніе и воинское обученіе солдатъ, боевая опытность войскъ, принаровненное къ русскому характеру веденіе боя и, наконецъ, оригинальность самаго его искусства, дѣйствующая на воображеніе массъ.*

Останавливаясь на сравнительной оцѣнкѣ данныхъ матеріальнаго элемента, имѣющихъ столь большое значеніе на войнѣ, нельзя не придти къ заключенію, что наиболѣе важными изъ нихъ представляются слѣдующія, и притомъ въ такомъ порядкѣ постепенности ²⁾: 1) искусство полководца; 2) качество войскъ, подъ коимъ разумѣется ихъ физическое и умственное развитіе, боевая опытность, храбрость, стойкость, способность къ самопожертвованію, хладнокровіе, нетребовательность, ловкость и прекрасный подборъ начальниковъ; 3) вооруженіе, обученіе, тактическая подготовка и воспитаніе солдатъ; 4) численность, организація и воинская система; 5) преданность долгу и патріотизмъ.

«Хорошій генераль, хорошіе кадры, хорошая организація, надлежащее обученіе и строгая дисциплина: вотъ принадлежности хорошихъ войскъ; и тогда все равно, за что они сражаются. Впрочемъ, религіозный фанатизмъ, любовь къ отечеству и народная слава могутъ съ пользою одушевить новонабранныя войска». Таково было мнѣніе Наполеона о хорошихъ войскахъ; на вопросъ же, какія войска считаетъ онъ лучшими, Наполеонъ отвѣчалъ: «Тѣ, которыя выигрываютъ сраженія» (Mémoires de Montholon; Las Cases. Mémoires de St. Hélène).

Въ послѣднюю Русско-японскую войну у насъ не наблюдалось достаточнаго подъема моральнаго элемента. Правда, подъ Портъ-Артуромъ и въ другихъ случаяхъ, временами, онъ поднимался довольно высоко, но въ общемъ, подъ вліяніемъ постоянныхъ неудачъ, отступленій, растерянности, путаницы въ дѣйствіяхъ и не-

²⁾ Для нашего времени.

соотвѣтственной тактической подготовки, равно какъ и нѣкоторыхъ дефектовъ военного устройства, онъ не могъ достаточно проникнуть въ массы и стать сколько нибудь продолжительнымъ и общимъ. Здѣсь такъ же, какъ и въ ранѣ приведенныхъ нами примѣрахъ, законъ о связи моральныхъ силъ съ матеріальными проявился въ полномъ объемѣ.

Тамъ, гдѣ послѣднія, скрывая наши слабыя стороны, давали войскамъ перевѣсъ надъ противникомъ, у насъ являлось и приращеніе моральнаго элемента (Портъ-Артуръ, укрѣпленія, неожиданная атака Путиловской сопки превосходными силами и пр.); тамъ же, гдѣ это отсутствовало, появлялся упадокъ духа и, какъ слѣдствіе его, — неудача. Приказы, подобные приказу войскамъ Манчжурской арміи 19-го сентября 1904 года № 687, далекіе отъ дѣйствія на воображеніе массъ, имѣющіе въ виду «наступленіе», а обращающіе къ «чувству» (данная обороны), конечно, моральнаго элемента не приращали, какъ не приращали его отдѣльныя дѣйствія разныхъ удалцовъ и примѣры низшихъ начальниковъ.

Интересно мнѣніе Наполеона I объ этомъ предметѣ: «рѣчи, во время сраженія, не могутъ придать храбрости войскамъ: старые, опытные солдаты едва ихъ слушаютъ, молодые позабываютъ ихъ при первомъ пушечномъ выстрѣлѣ».

«На войнѣ обстановка повелѣваетъ». Это всецѣло относится и къ моральному элементу; только не обстановка руководитъ послѣднимъ, а нравственныя силы войскъ вытекаютъ изъ обстановки, рождаясь отъ нея и слѣдуя съ нею рука объ руку. Вначалѣ осторожные, японцы, по мѣрѣ успѣховъ, становились все болѣе и болѣе рѣшительными, черная моральныя силы въ рядѣ, постепенно развертывавшихся передъ ними, нашихъ дефектовъ. Пользуясь господствующей у насъ централизаціей и слабохарактерностью нашего полководца, они въ планахъ своихъ все болѣе и болѣе руководствовались извѣстными имъ данными этого характера, подчиняя ему всецѣло и матеріальныя свои соображенія для достиженія какъ скорѣйшаго успѣха, такъ и дальнѣйшаго, затѣмъ, подрыва духа нашихъ войскъ послѣдующимъ отступленіемъ. Подобная система, въ одно и тоже время осторожная, сохраняющая силы войскъ, и рѣшительная, приводила къ подрыву нашей увѣренности въ силахъ, а потому и соотвѣтствовала ихъ стратегическимъ предназначеніямъ.

Еще по словамъ Спенсера понятіе о «волѣ» опредѣлялось въ связи съ понятіемъ о цѣли, которой хотятъ достигнуть. «Отбросьте, говоритъ онъ, всякую мысль о «цѣли», и понятіе воли исчезнетъ». Понятно, что мысль о «цѣли» есть не что иное, какъ представленіе извѣстнаго дѣйствія; если же ожидаемаго дѣйствія не предвидится, вопросъ о цѣли отпадаетъ какъ бы самъ собою, а вмѣстѣ съ этимъ и явленіе воли. Войска, попавшія въ совершенно неожиданную для нихъ обстановку, теряютъ увѣренность въ своихъ силахъ, если не находятъ средствъ выйдти изъ нея съ успѣхомъ. Волевые импульсы войскъ сдаютъ, природныя инстинкты вступаютъ въ свои права, на осуществленіе которыхъ и обращается воля. Чѣмъ обуславливается, на примѣръ, упадокъ духа въ войскахъ при внезапномъ появленіи на флангѣ противника, при внезапной атакѣ и пр.? Именно—неувѣренностью ихъ въ своихъ силахъ, исчезновеніемъ ихъ воли. Почему опытный охотникъ не боится встрѣчи со звѣремъ? Онъ увѣренъ въ своихъ силахъ на основаніи своей опытности.

Выразительницею моральнаго элемента служитъ увѣренность въ силахъ, всецѣло основанная на матеріальныхъ данныхъ. Могущественныя матеріальныя данныя, правильно примѣненныя къ обстановкѣ, или, другими словами, увѣренность въ силахъ, всецѣло вытекающая изъ данныхъ обстановки, вызываютъ то, что принято называть моральнымъ элементомъ, отъ котораго и зависитъ успѣхъ.

Причины паники и воодушевленія, двухъ полюсовъ моральнаго элемента, олицетворяются этою увѣренностью въ силахъ. Возгласы «пропали!» «насъ обошли!» принципиально тождественны съ ободряющими словами: «наша беретъ!» «ничего — пробьемся!» Разница — относительная. Въ послѣднемъ случаѣ—увѣренность растетъ, въ первомъ—падаетъ. *Причина паники кроется въ предшествующей ей неувѣренности въ силахъ*, сдерживаемой чувствомъ, обѣщаніями, надеждой и другими искусственно созданными средствами, когда достаточно легкаго толчка для разрушенія такимъ образомъ построеннаго карточного домика и обратной, по силѣ и направленію, смѣны настроенія стаднымъ чувствомъ самохраненія, тѣмъ большимъ по силѣ, чѣмъ сильнѣе было это предшествующее ему напряженіе.

Воодушевленіе обратно чувству паники. Ему *предшествуетъ всегда извѣстная доля увѣренности въ силахъ*. Когда эта увѣренность достигаетъ предѣла, войска часто, и безъ указаній свыше, совершаютъ геройскіе подвиги, несмотря ни на какія препятствія со

стороны противника, какъ, напримѣръ, по показанію Михайловскаго-Данилевскаго, случилось съ однимъ русскимъ баталіономъ въ сраженіи подъ Прейсишъ-Эйлау въ 1807 году, когда, видя гибель французскаго корпуса Ожеро, онъ, увлеченный побѣдой, бросился на центръ французской арміи и, преодолевъ всѣ препятствія, достигнулъ кладбища—въ 100 шагахъ отъ самого Наполеона и его старой гвардіи. Храбрость природная рѣдко бываетъ храбростью разумной; таковая является только слѣдствіемъ увѣренности въ силахъ. То же самое можно сказать и про воодушевленіе. Последнее, если оно является слѣдствіемъ какихъ либо ложныхъ причинъ, рѣдко бываетъ продолжительнымъ. Оно исчезаетъ немедленно по прекращеніи дѣйствія этихъ причинъ; оно носитъ случайный характеръ и, при той или иной обстановкѣ, можетъ или способствовать успѣху или, напротивъ того, повести къ катастрофѣ. Воодушевленіе же, охватывающее войска подъ вліяніемъ внутреннихъ, ясно сознаваемыхъ причинъ, ихъ увѣренности въ своихъ силахъ, имѣетъ болѣе постоянный, а потому и болѣе надежный характеръ. Оно не легко поддается давленію; оно упорно переходитъ въ желаніе побѣдить, въ особую изворотливость ума, напоминающую находчивость. Подъ вліяніемъ моральнаго элемента храбрость, а съ ней и воодушевленіе, начинаетъ пріобрѣтать всеокрушающій характеръ; разъ они разумно и энергично направлены, люди по природѣ нерѣшительные становятся рѣшительными; въ массы проникаетъ общее желаніе побѣды; своею увѣренностью въ силахъ массы оказываютъ вліяніе и на противника, постепенно приходящаго къ сознанію своей безпомощности и, наконецъ, сдающаго.

Увѣренность, чтобы стать увѣренностью, должна, какъ мы уже и упоминали, быть прежде всего основанной на ясно сознаваемыхъ матеріальныхъ данныхъ и не переходить въ область гадательную.

Какъ только она переходитъ въ эту послѣднюю, она перестаетъ уже быть увѣренностью, а обращается въ дерзость, сомнѣніе, со всѣми ихъ разочарованіями. Съ этой точки зрѣнія увѣренность высшихъ начальниковъ и войскъ весьма часто бываетъ различна. Неполное знакомство начальника съ качественной стороной своихъ и непріятельскихъ войскъ, допускаемая имъ съ этой стороны иллюзіи, незнаніе обстановки или поверхностное знакомство съ военнымъ дѣломъ и ошибочный взглядъ на него, весьма часто создаютъ представленія, совершенно отличныя отъ представляющихся войскамъ, со всѣми ихъ неблагопріятными для дѣла послѣдствіями. Такихъ примѣровъ много въ исторіи.

Особенно опасными представляются взгляды мирнаго времени, основанные на ложныхъ представлєніяхъ о войнѣ. Они не только мѣшаютъ дальнѣйшему совершенствованію арміи, но зачастую приводятъ ее къ потерѣ кампаніи.

Непосредственно, на полѣ сраженія, дерзость, иной разъ, бываетъ удачною, но всегда только тамъ, гдѣ противникъ самъ не вполне увѣренъ въ своихъ силахъ. Она оказываетъ на такого противника импонирующее вліяніе *своей фиктивной увѣренностью въ силы*.

Особо выгодной она представляется при неожиданной встрѣчѣ съ противникомъ, пока послѣдній не разобрался еще въ обстановкѣ, не нашелъ себѣ опоры въ матеріальныхъ ея данныхъ. Въ примѣненіи къ значительнымъ силамъ и къ стратегическимъ соображеніямъ, дерзость почти всегда ведетъ къ катастрофѣ, такъ какъ необходимыхъ условій, благоприятныхъ ея проявленію, тамъ почти никогда не бываетъ (Тюренчень, Седанъ, Цусима).

Томительное чувство опасности, постоянно царящее на полѣ сраженія, хватается за каждый предлогъ, способный вывести его изъ этого положенія, поддаваясь всѣмъ впечатлѣніямъ извнѣ. Въ такихъ случаяхъ достаточно примѣра, словъ авторитетнаго начальника, знака или выраженія его лица или примѣра всѣми любимаго удальца, чтобы войска (если въ нихъ осталась еще извѣстная увѣренность въ силахъ) на извѣстномъ ограниченномъ участкѣ двинулись въ атаку, а остальные—уже въ силу кажущагося имъ успѣха сосѣднихъ частей, не попробовали-бы пойти, въ свою очередь, вслѣдъ за послѣдними или въ указанномъ имъ ранѣе направленіи атаки. *Вѣра въ начальника, въ его талантъ, или сочувствіе его образу мыслей играютъ здѣсь большее значеніе, чѣмъ сказанныя имъ слова и личный его примѣръ. Эта вѣра, въ данномъ случаѣ, замыкаетъ собою увѣренность въ силы*. Проникнувшее въ массы убѣжденіе, что разъ авторитетный начальникъ указываетъ путь впередъ, то, слѣдовательно, не все еще потеряно, еще возможенъ или непременно будетъ успѣхъ (Наполеонъ, Суворовъ, Скобелевъ); что успѣхъ, хотя и не виденъ еще непосредственно намъ, но уже учитывается начальникомъ, который лучше насъ освѣдомленъ въ положеніи дѣла, и поднимаетъ въ массахъ, невольно, увѣренность въ силы. За просто любимымъ или авторитетнымъ начальникомъ войска пойдуть далеко неодинаково. Въ первомъ случаѣ, много, если въ нихъ скажется «пассивная моральная сила»; во второмъ же главнымъ побудителемъ будетъ «активная» сила. Обыкновенно

венно, безъ какихъ нибудь благопріятныхъ случайностей, атаки перваго рода не доходятъ до конца, останавливаясь вскорѣ послѣ начала.

Примѣръ авторитетнаго начальника безусловно полезенъ, какъ одна изъ данныхъ матеріальной силы. Подобнаго рода примѣръ и былъ, проявленъ генераломъ Скобелевымъ 30-го августа 1877 года при атакѣ Плевненскаго редута № 1.

Его громкое: «впередъ, ребята!» придавало *новыя силы*. Турки, занимавшіе ложементы передъ редутомъ № 1, не выдержали, оставили ихъ и бѣгомъ отступили въ редуты и траншею между ними. *Видъ отступавшихъ* отъ ложементовъ турокъ *одушевилъ* еще болѣе нашихъ. «Ура», подхваченное тысячами грудей, грозно полилось по линіи... Трофеями описанной отчаянной атаки были: значительный профили редуть (вѣриѣе—люнетъ), часть траншеи къ сторонѣ редута № 2 и одно турецкое орудіе.

Редуть № 2 отбилъ части, двигавшіяся противъ него одновременно съ атакою на редуть № 1 ³⁾.

Этотъ примѣръ наглядно показываетъ, какимъ образомъ толчекъ, данный первоначально генераломъ Скобелевымъ, при видѣ «отступавшихъ» турокъ, перешелъ окончательно въ увѣренность въ силахъ, возбудилъ духъ нашихъ войскъ, а потомъ перешелъ и въ успѣхъ, но въ успѣхъ на ограниченномъ пространствѣ, именно тамъ, гдѣ былъ проявленъ этотъ примѣръ, такъ какъ редуть № 2 отбилъ нашу атаку.

Пользуясь своимъ ореоломъ, Наполеонъ, передъ наступленіемъ рѣшительнаго момента, почти всегда поднималъ нравственныя силы войскъ своимъ видомъ, проѣзжая по рядамъ ихъ со словами: «пустите знамена, настала рѣшительная минута!» «Его осанка, выраженіе лица и приближеніе», какъ онъ самъ про себя это говорить, «производили всеобщее одушевленіе» (*Mémoires de Montholon*. II. 181).

Извѣстный рассказъ про Суворова, остановившаго наши отступающія войска подъ Треббией словами: «заманивай, заманивай, ребята!» или ученье, произведенное генераломъ Скобелевымъ одному изъ баталіоновъ Эстляндскаго полка подъ Ловчей, когда послѣдній, безъ команды, съ цѣлью скрыться отъ турецкихъ пуль, побѣжалъ черезъ кладбище къ постройкамъ города,

³⁾ Куропаткинъ. Дѣйствія отрядовъ генерала Скобелева, стр. 462 и 463. Курсивъ нашъ.

только лишній разъ подтверждають важное значеніе увѣренности на войнѣ. Очевидно, что то и другое было произведено, какъ Скобелевымъ, такъ и Суворовымъ, съ цѣлью нравственной передышки войскамъ, чтобы искусственно поднять упавшія моральныя силы. Ясно, что опытъ этотъ физически возможенъ лишь съ не потерявшими еще голову войсками. Во время Мукденской паники подобнаго рода опыты только озлобляли солдатъ и не приводили къ успѣху.

Сраженіе, какъ и всякая борьба, является борьбою, главнымъ образомъ, моральныхъ силъ. Важно не уничтожить врага, а подорвать его увѣренность въ силахъ, заставить его прекратить борьбу, подчиниться нашей волѣ. Цѣлый рядъ матеріальныхъ условий, случайныхъ причинъ и видоизмѣненія обстановки создаетъ, при встрѣчѣ равныхъ по достоинству противниковъ, цѣлый рядъ колебаній душевныхъ силъ, разсматриваемыхъ какъ производныя отъ одной общей увѣренности въ себѣ, съ которой войска начали сраженіе. Пока эта послѣдняя руководитъ волею войскъ, пока данныя борьбы еще не успѣли потушить этой увѣренности, частныя неудачи, колебанія и пр. не могутъ еще оказать вліянія на результатъ сраженія. Неудача, равно какъ и мимолетный успѣхъ, весьма скоро могутъ быть въ этихъ случаяхъ остановлены *тѣми или иными матеріальными средствами, изъ которыхъ войска черпали свою увѣренность въ силахъ.*

Другое дѣло, подрывъ общей увѣренности войскъ—основанія ихъ внутренней силы. Такая увѣренность можетъ исчезнуть лишь при встрѣчѣ съ болѣе реальными проявленіями матеріальныхъ силъ противника. Отсюда ясно, что для того, чтобы овладѣть моральнымъ элементомъ противника, нужно поразить его именно въ средоточіе его могущества, туда, откуда онъ беретъ свою увѣренность въ силахъ. Тоже касается и ряда частныхъ столкновеній, изъ которыхъ слагается сраженіе. Каждый начальникъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, долженъ, при всякой къ тому возможности, имѣть постоянно въ виду въ сферѣ своей дѣятельности созданіе для противника неблагоприятныхъ условий для веденія имъ борьбы, пользуясь при этомъ всѣми средствами для внушенія своимъ войскамъ увѣренности въ своемъ превосходствѣ.

Наше изслѣдованіе было-бы не полно, если-бы мы не коснулись вопроса о вліяніи общества на моральныя силы сторонъ. Такъ какъ жизнь складывается изъ дѣйствій людей, то раз-

вѣтѣ общества (извѣстнаго народа) находится въ глубокой связи съ реализаціей всѣхъ представленій составляющихъ его лицъ. Среди условій, опредѣляющихъ эти представленія, совершенно теряются такіе односторонніе принципы, какъ «законы подражанія» (Тардъ), «физическія условія» (Бокль), «мистическіе законы исторіи» и пр. Извѣстное «качество» народа, а отъ него и войска, зависитъ отъ умственнаго и нравственнаго развитія составляющихъ его элементовъ. Пренебрегать подобной данной невозможно. Положенная на вѣсы побѣды, она ляжетъ той или другой тяжестью, способной либо подорвать нашу увѣренность въ силахъ и затруднить проявленіе моральныхъ силъ, либо возбудить эти силы до крайности.

Борьба искусственными мѣрами противъ подобнаго вліянія общества почти невысказима, какъ и борьба противъ положеній исторіи. Однако вліяніе это можетъ быть все таки всегда обращено въ нашу пользу, если сумѣть имъ хорошо воспользоваться и «во время и у мѣста» вдвинуть въ рамки борьбы.

Б. Жукулицевъ.

